

Наш разговор с народным артистом СССР Евгением Алексеевичем Лебедевым начался с воспоминаний. Сам волжанин, из Балакова, он с особой теплотой говорит о Волге и, вспоминая гастроли Ленинградского БДТ в Горьком, прежде всего вспоминает великую русскую реку.

— С детства помню, как мы пили особенную, на всю жизнь запоминающуюся своим вкусом волжскую воду... Волга — особенно в ранние утра, и не в большом городе, а вдали от шумных дорог, где будто чудом сохранилась первозданность, — заставляет остановиться в нашей быстротекущей жизни и оглянуться окрест...

— Есть ли какая-то связь между этими ощущениями и Вашим творчеством? — спросила я актера, зная, что, выросший на волжских берегах, он с двенадцати лет начал здесь работать, отсюда полубеспорядочным ушел в Москву поступать в актеры.

— Для меня это дорого, нужно и важно прежде всего как для человека. Зараженным городской цивилизацией, нам сохранить бы подобные чувства в себе как можно дольше!

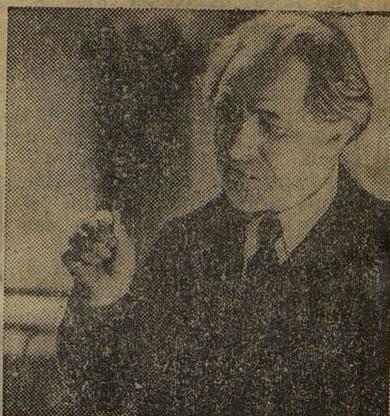
С другой стороны, эти вечные вопросы каждое поколение решает заново. Сущность взаимоотношений природы и человека. О природе в самом человеке, в каждом из нас. Что мы несем в себе? Что бережем, а что растратили?..

Вопросы вечные — следовательно, не могут не присутствовать в творчестве любого художника, особенно русского, который всегда отличался, как известно, беспокойством души. Но помог мне остановиться и увидеть восходящее солнце, росу и туман Толстой, его «Холстомер».

— «История лошади» заняла уверенное место в репертуаре Большого драматического, а ведь пьеса Марка Розовского по повести Толстого сначала назалась и дерзкой, и неожиданной. Вам, сыгравшему столь сложные роли, как Рогожин, Бессеменов, трудно ли было создавать образ лошади? Были ли в Вашей работе какие-то особенности, скажем, в актерской технологии? Когда смотрите на сцену, то ловишь на том, что сострадаешь, откликаясь на страдания Холстомера. На наших глазах Вы с такой болью, с такой душевной мукой проживаете трагическую судьбу лошади...

— Как если бы это была трагическая судьба человека! Этого мне хотелось достигнуть. Не знаю, удалось ли. Во всяком случае, и сейчас я ищу-ищу и что-то старое постигать. Я убежден, театр своими средствами может говорить обо всем и показать все, что существует в жизни.

Рядом

с интересным
собеседником

НА ЧТО ОТКЛИКНУЛАСЬ ДУША...

— Да, возможность театра доказало это обращение к такой глубокой и психологической прозе Толстого. И все же, как быть с актерскими секретами.

— Работа наша такова, что, «делая» ту или иную роль, мы постигаем и должны постигнуть внутренний мир автора. Что заставило Достоевского написать «Идиота» и образ Рогожина? Горького — «Мещан» и образ Бессеменова? Толстого — «Холстомера»? Какими муками были они одолаваемы? На какие вопросы искали ответы?..

На мой взгляд, Рогожин — самая сложная натура в романе Достоевского. Чтобы понять его, читал много и упорно, в том числе дневники, письма. Одним словом, занимался этим десять лет. Десять лет выходил на сцену Рогожиным, и каждый раз это был урок.

То же — с Горьким. Теперь вот с Толстым. Были у меня периоды Пушкича, Шолохова. Это когда живешь в мире, открыто тебе гениями, и навсегда несешь его в себе. Любишь этот мир, его героев необъяснимой любовью. Невозможно ведь рассказать о том, как ты любишь!

Но уж если Вы настаиваете «на секретах», то расскажу немного.

Розовский принес в театр «мюзикл по Толстому». Зная, что буду играть Холстомера, примеривался, искал. Сначала «нашел» руки — узловатые, рабочие. Балетная форма, которую нам предлагали, мешала. Стали искать постановку головы, тела, рук, ног. Спорили с автором: это разные вещи — придумать и реализовать на сцене. Здесь необходим тщательный от-

бор. Мы отказались от балета, и Холстомер показан через пантомиму.

Вообще же, в любой профессии не должно быть места равнодушию. В актерской нужна особая чувствительность ко всему, что окружает. Каждый жест, движение — наполненные, четкие, точные, должны быть неотъемлемой частью главного, заключительного в сценическом образе.

Знаете, когда я в Лувре увидел «Джоконду» Леонардо да Винчи, подумал: «Вот совершенство. Ни один человек не рассказал о ней столько, сколько она сама о себе говорит!». Сколько в ней заложено художником духовного, эстетического! Менделеев, например, разговаривал со своими формулами. Он их хвалил или ругал, когда долго не находил какую. Микельанджело хлопнул по плечу своего Моисея: заговори, что ты молчишь! Скульптура была живой для ее создателя. Какое непосредственное, неравнодушное отношение к делу, к своему детищу!

— В этом Вы усматриваете воспитательную силу искусства!

— Безусловно! Здесь живут голова и душа художника, и это не может не вызывать отклика. Толстой многое написал в «Холстомере» о себе, о лошади, которая существовала (мне показывали подкову Холстомера: она хранится у Гейченко, директора Михайловского заводника). Потом все это переросло в философское произведение, отмеченное огромным опытом наблюдения,

своего отношения. При встрече с искусством особенно важны первые впечатления и ощущения, которые и через 10—15 лет будут живы. Следовательно, это должна быть встреча с искусством настоящим, высоким. Поэтому мы и предъявляем такую требовательность, скажем, к детскому театру, который, как мы говорим, должен быть и выше, и значительнее взрослого.

— Евгений Алексеевич, иногда приходится слышать от родителей, учителей, что не стоит начинать воспитание искусством слишком рано...

— Признаться, я склонен думать, что ранняя эстетическая информация — да еще обязательная, в коллективном походе на выставку, в театр, преподнесенная «на блюдечке» (бери и разжевывай!) — иссушает фантазию, воображение. Я вспоминаю мальчишек своего поколения: pistolетом для нас была простая чурка — остальное дорабатывала фантазия. Лошадка — палка: мы садились на нее верхом, и воображение уносило нас далеко и высоко. Мы летели на палке — лошади быстрее и дальше всех. Да и поход в театр утратил ныне ощущение праздника. А ведь новизна, пожалуй, одно из сильных впечатлений!

Человек в жизни своей внутренней возвращается «на круги своя». И счастлив тот, кого не покидает ощущение: чем он больше живет, тем меньше понимает и знает. Эта парадоксальность не дает остановиться в поиске, успокоиться. Приведу пример из своих ощущений. Думаю, те, кто прочитает нашу беседу и захочет послушаться к своим, согласятся со мной.

«Отелло», трагедия Шекспира, молодым кажется смешной. Не правда ли, смешно так ревновать в наш век! И самые скептики в финале, когда Отелло душит Дездемону, хмыкают: «Вот дурак!» Но проходят годы, и, многое переосенив, мы начинаем понимать, как это гениально по мысли и как это трагично, когда попораны любовь, доверие и уважение к человеку. Так постепенно мы приходим к Достоевскому, Толстому, Пушкину, в юности многое отрицаю. Не потому ли в средней школе — жалуются учителя — плохо читают классиков. Это придет позже. Когда требуется не только задавать вопросы, но и искать ответы на них. Важно пробудить эту потребность поиска. Чтoby откликнулась душа.

Беседу вела
Г. СЕЛИВЕРСТОВА.

Ленинград — Горький.